

РОЛЬ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

С.Ю. Анисимова, Т.В. Борисова

ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара

Для цитирования: Анисимова С.Ю., Борисова Т.В. Роль междисциплинарного подхода в философии истории // Аспирантский вестник Поволжья. – 2019. – № 7–8. – С. 32–36. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2019.19.4.32-36>

Поступила: 26.08.2019

Одобрена: 26.09.2019

Принята: 28.11.2019

▪ В статье рассматривается роль дисциплинарного подхода в изучении исторической памяти. В современном исследовательском поле методологический статус междисциплинарного подхода становится всё более востребованным. Это связано с проблематикой формирования новой онтологии, в рамках которой исследуются общие основания между природой и обществом. Многие науки используют методологию междисциплинарности для осмысления взаимодействия естественных и гуманитарных наук. Сегодня активно критикуется организация междисциплинарности, которая не учитывает взаимосвязь естествознания и гуманитаристики. Отсутствие этой взаимосвязи проявляется в проблематике исторической памяти. Поэтому проводится идея, что для обоснования фундаментального статуса исторической памяти необходимо изменить организацию научного знания.

▪ **Ключевые слова:** междисциплинарность; онтологические основания исторической памяти; взаимодействие природных и социальных систем.

THE ROLE OF THE MULTIDISCIPLINARY APPROACH IN THE PHILOSOPHY OF HISTORY

S.Yu. Anisimova, T.V. Borisova

Samara State Technical University, Samara, Russia

For citation: Anisimova SYu, Borisova TV. The role of the multidisciplinary approach in the philosophy of history. *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2019;(7-8):32-36. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2019.19.4.32-36>

Received: 26.08.2019

Revised: 26.09.2019

Accepted: 28.11.2019

▪ The article discusses the role of the disciplinary approach in the study of historical memory. In the modern research field, the methodological status of an interdisciplinary approach is becoming more and more popular. It is connected with the problems of the new ontology formation, where the general foundations between nature and society are investigated. Many sciences use the of interdisciplinary methodology to understand the interaction of the natural sciences and the humanities. Today, the organization of interdisciplinarity is actively criticized, which does not take into account the interconnection between natural sciences and humanities. The absence of this relationship is manifested in the problems of historical memory. Therefore, the idea is being advanced to justify the fundamental status of historical memory, it is necessary to change the organization of scientific knowledge.

▪ **Keywords:** interdisciplinarity; ontological foundations of historical memory; interaction of natural and social systems.

Заданный современным российским обществом проект «научно-технологического прорыва» предполагает не только деятельность креативных акторов, способных реализовать данный проект. Необходимо, прежде всего, ещё раз серьёзно осмыслить роль интеграции научного знания в междисциплинарном подходе. Известно, что с рождением биохимии, биофизики, кибернетики и синер-

гетики дисциплинарная организация науки приобрела прогрессивный характер. Но, по мнению современных учёных [4], современная междисциплинарность, в определённом плане, тормозит развитие науки. И дело не только в том, что само понятие междисциплинарность вариативно терминологически, но в современной науке исследователь имеет дело с «онтологической» изолированностью

наук, с помощью которых аналитик исследует конкретную проблему. Наиболее чётко данная когнитивная ситуация прослеживается в истории философии и доминирующей её проблематике — исторической памяти.

Рамки статьи не позволяют представить весь масштаб научных парадигм, концепций и теорий, разработанных всеми учёными, которые работали и работают в проблематике исторической памяти. Известно, что большинство работ по истории памяти представлены эпистемологическими исследовательскими программами, которые позиционируют установку, что философия и история «теперь формируются как теория познания, а не как онтология» [1, с. 197–212]. В этих программах историческая память трактуется или в психологически-нарративном варианте, или связана с историческим опытом, который понимается как реальное переживание людей, которые участвовали в обсуждаемых исторических событиях [6, с. 112]. Какие основания определяют тот или иной вариант нарратива, что определяет основу психологических переживаний людей, передающий исторический опыт — на эти вопросы данные исследовательские программы не дают ответов.

В этом случае, мы имеем дело с доминированием переходных научных направлений, в содержании которых присутствует существенный разрыв между гуманитарными и естественно-научными областями знания. Конечно, так называемые лингвистическая и антропологическая революции XX века сделали много для философского осмысления бытийного основания языка и сознания человека, что заложили метафизические основы современной проблематики исторической памяти в рамках истории философии. Но эти же революции осуществили окончательный водораздел между онтологической и гносеологической проблематиками, что актуализировало исследования исторической памяти в рамках исторического проявления, а не в рамках бытийных оснований существования человека. «Ненавязчиво» было забыто, что антропологическая сущность человека имеет амбивалентную основу: природную и социальную, а сама система общества связана с природной системой. Однако последние исследования, осуществляемые в рамках коэволюционной эпистемологии, указывают, что социальное поведение человека влияет самым непосредственным образом на работу генов в течение всей жизни организма. Это отражено в работах Gene E. Robinson (Иллинойский университет). Также исследования показали, что

мемы, как единицы культурной информации, являются самокопируемыми репликами и до известной степени выступают аналогами генных механизмов. Изменения в поведении могут менять уровень и степень интенсивности факторов естественного отбора и влиять на эволюционные изменения (по эффекту Болдуина) [9]. Таким образом, сами научные инновации требуют иной структурной организации междисциплинарных наук. Междисциплинарность должна интегрировать не только переходные научные направления в рамках одной философской гуманитаристики. Эффективность современной междисциплинарности связана с организацией стержневых отраслей науки, которые способны вычленивать фундаментальные онтологические основания исследуемой проблемы, поэтому анализировать историческую память в рамках только гуманитарного направления некорректно. Современная философская рефлексия в поисках онтологических оснований исторической памяти, защищаясь от лингвистических и психолого-антропологических замещений, обосновывает трактовку исторической памяти, как актуализатора воспроизведения и продолжения жизни посредством структур памятования о прошлом. При этом делается вывод, что онтологическое основание памяти природных и социальных систем является единым. Несмотря на специфику содержательного различия природных и социокультурных систем, у них есть общее онтологическое основание — быть, существовать во всей полноте полифонической многомерности. В данном ракурсе историческая память финализирует актуализацию жизни, способности её сохранения и продления. Здесь историческая память выступает как способ сохранения и продления жизни в экзистенциальном векторе: прошлое — здесь; прошлое — здесь и теперь; прошлое — здесь и там. Так, историческая память раздвигает границы жизни — бытия, она оказывается глубже и сильнее отношений акторов в сетевых матрицах. Ведь память предполагает не только свою представленность, но и существование: можно быть представленным и существовать, но можно быть не представленным и всё равно существовать. Тем самым снимается не раз упомянутое исследователями противоречивость экзистенциала памяти: то, что не представлено действиями различным акторов, то не существует, а то, что подвергнуто забвению — не присутствует в памяти как существующее.

Изложенная методологическая позиция расширяет когнитивную масштабность ста-

туса исторической памяти в общей теории, а также функционал памяти. Память, как «помятование о прошлом», актуализирует процесс сохранности жизни в любых системах. Так, «генетическая память», наследуя конфигурацию аминокислот, не только передаёт, но и реализует жизненный цикл белковых молекул. «Биологическая память» таксомирует повторяемость предыдущих эмбрионов в становлении саморазвивающегося живого. «Историческая память» общества, будучи встроена в сложные социокультурные системы, фокусирует экзистенциальные аспекты бытия социума или отдельного индивидуума. Во всех этих системах память не только сохраняет, но и коррелирует пространственно-временной характер этих систем. Согласимся с мнением Е.М. Князевой, которая, проецируя синергетический анализ в отношении сложных систем, утверждает, что: «...сложные системы имеют память, для них характерно явление гистерезиса — при смене режима функционирования процессы возобновляются по старым следам (прежним руслам)...» [3, с. 78]. В рамках сказанного память, как актуализация сохранения и продления жизни, посредством организации информации о прошлом артикулирована в любой пространственно-временной системе. Поэтому можно говорить о феномене исторической памяти по отношению как к природе, так и к обществу. Другими словами, в любых системах исследователь сталкивается с общим онтологическим основанием памяти природных и социальных систем.

В онтологическом аспекте водораздел между «исторической памятью» природы и общества определяется спецификой существования, бытийностью природных и культурных объектов. В гносеологическом плане водораздел определяется когнитивной установкой познания этих объектов, а в праксиологическом — историческая память имеет разные способы функционирования в природе и в обществе. В обществе историческая память всегда существует в форме социальной памяти, а не в природных формах бытийности. Но, казалось бы, в этой всем ясной фактологичности существуют спорные, методологические неопределённости. Например, возьмём ситуацию противопоставления истории и памяти, которая обсуждается всем научным сообществом. Известна жёсткая позиция М. Хальбвакса, который любил противопоставлять память и историю. Их противопоставление, а значит их различие он обосновывал разницей между типами прошлого, которое они восстанавливают: память восстанавливает сходство между

прошлым и настоящим, а история — их различие [7, с. 8–27]. Другая позиция, которую поддерживают Я. Ассман и П. Хаттон, — настаивать на бинарной противоположности памяти и истории. Так, Хаттон определяет историю даже особым родом социальной памяти [8]. Подобные теоретические разногласия по поводу соотношения истории и памяти порождены той методологической нагруженностью, которая присутствует в определении категорий «сходство» и «различие». Содержательная многоаспектность этих категорий связана с ресурсным разнообразием тех признаков, по которым проводится демаркация сходства и различия [5, с. 86–109]. В самом деле, если провести анализ многообразных трактовок определения «история», то приходится сталкиваться с вариативностью признаков, на основании которых определяется конкретное содержание истории. Если в качестве основополагающего признака используется признак процессуальности, то на его основании история определяется как процесс развёртывания во времени социального бытия и форм деятельности. Если используется признак различия, то историю определяют как конкретную историю рода, страны или личной биографии. В рамках познавательного процесса история выступает когнитивной единицей знания о прошлом, трактовка которого тоже полифонична. С другой стороны, артикулирование доминирующих признаков сходства позволяет говорить о феномене онтологического общего в исторической и природной памяти, в котором актуализирована информация прошлого. Добавим, что корреляционное соотношение категорий «сходство» и «различие» содержится и в самом ресурсе «исторической памяти». Поэтому перед исследователем встаёт сложная задача вычленения тех методологических маркеров, с помощью которых можно будет выявить основание как сходства, так и различия между исторической составляющей в памяти природы и социума. Основание базовых признаков сходства в памяти природы и общества содержится в сущностном содержании самого феномена «память». Память — это хранитель, транслятор и актуализатор состояний прошлого в настоящем, что выступает онтологическим условием продления существования и развития многообразных форм бытия. Историческая память социума не только сохраняет прошлое, но и содержит конструктивную способность выхода за пределы мира и самого человека. Именно так историческая память социума рефлексивирует собственную предметность. Следовательно, искусственно стереть

историческую память социума «...видимо, в принципе невозможно. А если возможно, то исчезает целая культура, её бытийные или онтологические основания, которые реализуются в историческом времени» [2, с. 43]. Суммируя сказанное, артикулируем заявленные методологические позиции. В общей теории памяти основание её статуса и содержания исторической памяти определяется бытийно-онтологической структурностью той или иной системы. При этом пространственно-временные измерения исторической памяти актуализируются спецификой протекания процессов ретроспекции, самопроизводства и самотранслирования в каждой конкретной системе: природной (живая – неживая природа), социальной, знаковой и т. д. Данный контекст позволяет говорить об исторической памяти как общем феномене, присущем как природе, так и обществу. Ведь историчность в широком значении содержит потенциал развёртывания небытия, присутствия, исчезновения, забвения, дальнейшего развития. В этом плане взаимосвязь пространство – время – история закономерна и в определённом фокусе тождественна. Но, если в природных системах эта взаимосвязь жёстко задана алгоритмом от неживого к живому, от живого к его воспроизводству и саморазвитию, то в социальных и культурных системах эта взаимосвязь существует в искусственно созданном мире. В искусственном мире (как раньше говорили, «второй природе») действует иной алгоритм: цель – деятельность – действие – результат и ракурс этого алгоритма на каждом этапе социума осмысливался и реализовывался по-разному, в соответствии с социально-культурными запросами общества. Таким образом, социальное бытие истории общества и человека продолжается посредством онтологических оснований норм и стандартов деятельности, которые сохраняет, воспроизводит и актуализирует историческая память, продолжая тем самым процесс жизни.

Новая организация междисциплинарных научных направлений в исследовании исторической памяти позволяет выявить фундаментальные онтологические основания, которые не разрывают единство природы и общества. Эти основания позволяют придать фундаментальный статус самому феномену исторической памяти. Не игнорируя специфику исторической памяти общества, стержень философской рефлексии обосновывает онтологию исторической памяти как функционала жизни в целом и продолжения социального бытия.

Литература

1. Бубер М. Два образа веры. Сборник / Пер. с нем. – М.: Республика, 1995. – 462 с. Серия: Мыслители XX века. [Buber M. Dva obraza very. Sbornik. Transl. from German. Moscow: Republic; 1995. 462 p. Series: Mysliteli XX veka. (In Russ.)]
2. Дармограй В.М. Цивилизационный выбор России // Восток, Запад, Россия. Философские и социокультурные основания взаимодействия цивилизаций. Сб. науч. труд. Всероссийской очно-заочной научной конференции; 2016, 28–29 сентября. – Саратов: КУБиК, 2017. – 227 с. [Darmogray VM. Tsvivilizatsionnyy vybor Rossii. (Conference proceedings) Vostok, Zapad, Rossiya. Filosofskiye i sotsiokul'turnyye osnovaniya vzaimodeystviya tsivilizatsiy. Sb. nauch. trud. Vserossiyskoy ochno-zaochnoy nauchnoy konferentsii; dated 2016 September 28-29. Saratov: KUBiK; 2017. 227 p. (In Russ.)]
3. Князева Е.Н. Темпоральная архитектура сложности // Синергетическая парадигма: синергетика инновационной сложности: к 70-летию В.И. Аршинова: сборник / Под ред. В.И. Аршинова. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – С. 66–86. [Knyazeva EN. Temporal'naya arkhitektura slozhnosti // Sinergeticheskaya paradigma: sinergetika innovatsionnoy slozhnosti: k 70-letiyu V.I. Arshinova: sbornik. Ed. by V.I. Arshinov. Moscow: Progress-Traditsiya; 2011. P. 66-86. (In Russ.)]
4. Крушанов А.А. «Междисциплинарные» и «трансдисциплинарные» исследования: проблема самоопределения // Вестник Российского философского общества. – 2018. – № 2. – С. 41–45. [Krushanov AA. "Mezhdistsiplinarye" i "transdistsiplinarye" issledovaniya: problema samoopredeleniya. Vestnik Rossiyskogo filosofskogo obshchestva. 2018;(2):41-45. (In Russ.)]
5. Лёвин Г.Д. Философские категории в современном дискурсе. Гл. 9. Тождество и сходство. – М.: Логос, 2007. – 224 с. [Levin GD. Filosofskiye kategorii v sovremennom diskurse. Ch. 9. Tozhdestvo i skhodstvo. Moscow: Logos; 2007. 224 p. (In Russ.)]
6. Мегилл А. Историческая эпистемология / Пер. с англ. М. Кукарцевой, В.З. Кашаева, В. Тимонина. – М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2007. – 480 с. [Megill A. Istoricheskaya epistemologiya. Transl. from English M. Kukartseva, V.Z. Kashayev, V. Timonin. Moscow: Canon+, ROOI "Rehabilitation"; 2007. 480 p. (In Russ.)]
7. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2005. – № 2. – С. 40–41. [Halbwax M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'. Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kul'ture. 2005;(2):40-41. (In Russ.)]
8. Хаттон П.Х. История как искусство памяти / Пер. с англ. В.Ю. Быстрова. – СПб.: Владимир Даль; Фонд Ун-т, 2003. – 422 с. [Khatton P.Kh. Istoriya kak

iskusstvo pamyati. Transl. from English V.Yu. Bystrov. Saint Petersburg: Vladimir Dal'; Fond Un-t; 2003. 422 p. (In Russ.)]

9. Baldwin effect [Internet]. Wikipedia: The Free Encyclopedia. Available from: http://en.wikipedia.org/wiki/Baldwin_effect.

▪ Информация об авторах

Светлана Юрьевна Анисимова — старший преподаватель кафедры философии, ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара. E-mail: anisimova.svietlana@mail.ru.

Татьяна Вадимовна Борисова — доктор философских наук, кафедра философии, ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара. E-mail: borisovaTVa@yandex.ru.

▪ Information about the authors

Svetlana Yu. Anisimova — Lecturer of the Philosophy Department, Samara State Technical University, Samara, Russia. E-mail: anisimova.svietlana@mail.ru.

Tatyana V. Borisova — Doctor of Philosophical Science of the Philosophy Department, Samara State Technical University, Samara, Russia. E-mail: borisovaTVa@yandex.ru.